

С. ДАУГОВИШ

ДОСТОЕВИСТИКА В ЛАТВИИ

Библиография: 1927–2011

Собрания сочинений Достоевского

1. Полное собрание художественных произведений. Рига, 1927–1928. Т. 1–12 (с портретом автора).
2. *Kopotī raksti*. Rīga, 1936–1938. Sēj. 1–16.
3. *Kopotī raksti*. Rīga, 1973–1978. Sēj. 1–10 (ilustrācijas; portrets).

Литература о жизни и творчестве Достоевского

I. Монографии

1931

1. *Freijs A.* Dostojevskā reliģiskā attīstība. Rīga, 1931. 34 lpp. [Извлечение из ежемесячника «Burtnieks». 1931. N 10–12.]

1933

2. *Mauriņa Z.* Dostojevskis: viņa personība, mūžs un pasaules uzskats. Rīga, 1933. 229 lpp.

1937

3. *Grossmans L.* Dostojevskis pie ruletes: Romāns. Tulk. Jānis Jēgers. Rīga, 1937. 207 lpp.

1952

4. *Celms T.* Tagadnes problēmas. 2. iesp. [Čikāga], 1952. 212 lpp.

1975

5. *Бергман И. Я.* Из истории восприятия творчества Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского латышской критикой 90-х годов XIX века: учебное пособие. Рига, 1975. 66 с.

1994

6. *Grods A.* Tā katoga: par Fjodora Dostojevskā sākumu. («Darovoje»). Tukums, 1994. 37 lpp. [В «Приложении» интервью И. Санта с А. Гродсом — автором эссе «Достоевский и отцеубийство». Введение к интервью составил И. Шуваев.]

II. Статьи

7. *Бородкина (Иванцова)¹ Е.* Мимические средства невербальной коммуникации в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // *Материалы 46-й научной конференции молодых ученых.* Даугавпилс, 2004. С. 72–76.

8. *Бородкина (Иванцова) Е.* Контакт глаз как знак невербальной коммуникации в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // «*Littera scripta...*»: Труды молодых филологов-славистов. №5. Рига, 2006. С. 24–28.

9. *Бородкина (Иванцова) Е.* Ситуация умолчания в поэтике романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // XX Международные Старорусские чтения «Достоевский и современность». Великий Новгород, 2006. С. 53–65.

10. *Бородкина (Иванцова) Е.* Поэтика телесного контакта в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Тезисы докладов XIII симпозиума Международного общества Достоевского. IDS University ELTE, Institute of Slavic and Baltic Philology, Будапешт, Венгрия. 3–8 июля. Будапешт, 2007. С. 56–57.

11. *Бородкина (Иванцова) Е.* Семантика объятий и поцелуев в романе «Преступление и наказание» // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом литературном контексте»: избранные доклады и тезисы. М.: Фонд Достоевского, 2008. С. 146–147.

12. *Бородкина (Иванцова) Е.* Специфика телесного языка в поэтике Ф.М. Достоевского // Филологические чтения: 2007. Поэтика жеста и невербальной коммуникации в русской и мировой литературе и культуре. Даугавпилс, 2009. С. 62–77.

13. *Бородкина (Иванцова) Е.* «Слезный текст» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Филологические чтения: 2007. Поэтика жеста и невербальной коммуникации в русской и мировой литературе и культуре. Даугавпилс, 2009. С. 78–86.

14. *Бородкина (Иванцова) Е.* Аркадий и Версиков: поэтика сближения (невербальный аспект общения в романе Ф.М. Достоевского «Подросток») // *In memorem: Иосиф Васильевич Трофимов.* Даугавпилс, 2009. С. 71–81.

15. *Бородкина (Иванцова) Е.* «Физиогномика» Иоганна Лафатера и мимический язык в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского // *Русская литература в европейском контексте. II. Сборник научных работ молодых филологов.* Варшава, 2009. С. 115–124.

16. *Бородкина (Иванцова) Е.* Духовное и телесное в художественном мире романа Ф.М. Достоевского «Идиот» // Ф.М. Достоевский в диалоге культур. Материалы международной конференции. Коломна, 2009. С. 123–125.

¹ Новая фамилия.

17. *Бородкина (Иванцова) Е.* Поэтика телесного контакта в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues. A Collection of Articles Based on the Papers Presented at the 13th Symposium of the International Dostoevsky Society. (Budapest, 2007). Budapest, 2009. P. 41–47.

18. *Бородкина (Иванцова) Е.* Гримаса в языке тела персонажей «Пятикнижия» Ф. М. Достоевского // Русская литература в европейском контексте. III. Сборник научных работ молодых филологов. Варшава, 2010. С. 75–83.

19. *Бородкина (Иванцова) Е.* Язык тела у Достоевского в аспекте философской антропологии // Тезисы XIV Международного симпозиума Достоевского: Философское мышление, взгляд писателя. Abstracts. Неаполь, 2010. С. 56–58.

20. *Дауговитш С.* Литературное произведение и его смысловая интерпретация. Методическая разработка. Рига, 1990. [Анализ литературных источников рассказа Достоевского «Скверный анекдот».]

21. *Дауговитш С. Н.* О возможном лубочном подтексте рассказа Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 12. С. 249–252.

22. *Дауговитш С. Н.* Белинский / Пралинский (К проблеме литературных реминисценций в рассказе Достоевского «Скверный анекдот») // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2000. Т. 15. С. 365–372.

23. *Дауговитш С. Н.* «Но только б мой букет был возле нее...» (Ф. М. Достоевский. «Маленький герой»: к описанию флористического кода) // Славянские чтения — 1. Даугавпилс–Резекне. Даугавпилсский педагогич. университет. 2000. С. 84–91.

24. *Дауговитш С.* «Лица итальянских мадонн» (К интерпретации рассказа Ф. М. Достоевского «Маленький герой») // Philologia. Рига, 2000. Вып. 3: Cum Italia. С. 14–23.

25. *Дауговитш С.* Преодоление индексальности в физиономической поэтике Достоевского // Studia Litteraria Polono-Slavica. 7: Portret — Akt — Martwa natura. Warszawa, 2002. P. 157–160.

26. *Дауговитш С.* О жанровом языке рассказа Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот» // Philologia. Рига, 2002. Вып. 4: Миф. Фольклор. Литература. Быт. С. 157–160.

27. *Дауговитш С.* Превращение «маленького гения» в «маленького героя» (И. Панаев и Ф. Достоевский) // «Педагогія» Ф. М. Достоевского. Коломна, 2003. С. 62–65.

28. *Дауговитш С.* Прогулка Ивана Ильича (О топографической семантике рассказа Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот») // People and the Word. 2003. Vol. 2. N 5. P. 51–58.

29. *Дауговитш С. Н.* О жанровой природе «Скверного анекдота». (Заметки) // Pro memoria: Памяти академика Г. М. Фридендера (1915–1995). СПб., 2003. С. 165–167.

30. *Дауговитш С. Н.* Кювье и Достоевский (к теме «слизняковой породы» в «Маленьком герое») // Филологические чтения: 2004. Даугавпилс, 2005. С. 115–128.

31. *Дауговитш С. Н.* «Соавторство» Кювье и Шекспира в «Детской сказке» Ф. Достоевского // *Opus*. N 1–2. Русский мемуар. Соавторство. Вильнюс, 2005. С. 171–180.

32. *Дауговитш С. Н.* Достоевский перед картиной Гольбейна (комментарий к теме) // Текст и комментарий. Круглый стол к 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 2006. С. 159–166.

33. *Дауговитш С.* О «жанровой памяти» Достоевского (перечитывая М. М. Бахтина) // *Latvijas Univ. Raksti*. 2006. Nr. 705. *Literatūrzinātne, Folkloristika, Māksla*. Lpp. 41–45.

34. *Дауговитш С.* Шекспир как «прототип» главного героя «Детской сказки» Достоевского // *РОЕТИСА~D*. N 1: Поэтика Достоевского. Статьи и заметки. Rīga, 2007. С. 30–35.

35. *Дауговитш С.* Ум слизняка (*Достоевский и Кювье*) // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 25. М., 2009. С. 433–442.

36. *Дауговитш С.* Даровое и Кенильворт // Ф. М. Достоевский в диалоге культур. Материалы международной научной конференции 25–29 авг. 2009 г. Коломна, 2009. С. 223–226.

37. *Дауговитш С.* Гендерная рекомбинаторика Ф. М. Достоевского: «Скверный анекдот» // Конструкты национальной идентичности в русской культуре XVIII–XIX веков: Материалы конференции, апрель 2008 г. Тверь / Под ред. Р. Нохейль, Ф. Карл, Э. Шоре. М, 2010. С. 205–212.

38. *Дауговитш С.* Праздник/спор в «Детской сказке» Ф. М. Достоевского // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*. Vol. 10–11 (2009[2010]–2010). P. 19–28.

38-а. То же: *Festkultur in der russischen Literatur (18. bis 21. Jahrhundert)* / Hrsg. A. Graf. München, [2010]. S. 95–102.

39. *Дауговитш С.* Флористический дискурс Достоевского (к описанию знаковых систем в тексте романа «Бедные люди») // Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов / Под ред. К. Кроо, Т. Сабо и Г. Ш. Хорвата. СПб, 2011. С. 183–195.

40. *Неминуций А.* «Мертвый дом» Ф. М. Достоевского // Пространство и время в литературе и искусстве: Дом в европейской картине мира. Daugavpils, 2002. С. 73–81.

41. *Неминуций А. Н.* «Воздух пропустить, свежего!» («Пятикнижие» Достоевского sub specie ольфакции) // Достоевский и современность. Материалы XX Международных Старорусских чтений 2005 года. Великий Новгород, 2006. С. 224–229.

42. *Неминуций А. Н.* Дыхание персонажа в поэтике Достоевского // II Международный симпозиум «Русская словесность в мировом литературном контексте»: избранные доклады и тезисы. М., 2008. С. 159–160.

43. *Неминуций А. Н.* М. Шемякин — интерпретатор Достоевского // Достоевский и мировая культура. №26. СПб., 2009. С. 173–180.

44. *Неминуций А. Н.* Параметры «странного» мира // Неминуций А. Н. В пространстве времени литературы: *до Чехова — Чехов — после Чехова*. Daugavpils, 2009. С. 74–88. [О знаковых системах различных видов искусства в текстах Достоевского.]

45. *Неминуций А. Н.* Pater Seraphicus и Старец Зосима // The Dostoevsky Journal: An Independent Review. Vol. 10–11 (2009[2010]–2010). P. 11–18.

46. *Nemiuščij A.* Семиозис звука и музыки в «Преступлении и наказании» // XIV International Dostoevsky Symposium: Philosophical Mind, Writer's Eye. Napoli 13–20 June. Abstracts. Napoli, 2010. С. 84–85.

47. *Неминуций А. Н.* «Аромапоэтика» в художественном мире прозы Достоевского // Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов / Под ред. К. Кроо, Т. Сабо и Г. Ш. Хорвата. СПб., 2011. С. 224–231.

48. *Сидяков Ю.* О иконе (образе) в творчестве Достоевского // *РОЕТИКА~D # 1*: Поэтика Достоевского. Статьи и заметки. Rīga, 2007. С. 107–116.

49. *Sidjakov J.* Крест в творчестве Ф. М. Достоевского // XIV International Dostoevsky Symposium: Philosophical Mind, Writer's Eye. Napoli 13–20 June. Abstracts. Napoli, 2010. С. 102–103.

50. *Сырица Г. С.* Поэтика портрета в романах Ф. М. Достоевского: монография. М., 2007. 405 с. [Автор — сотрудник Даугавпилсского университета.]

51. *Шром Н.* Бахтин vs. Бретон: Диалог с Достоевским в новейшей литературе // *Latvijas Univ. Raksti*. 2006. N 705. *Literatūrzinātne, Folkloristika, Māksla*. Lpp. 46–52.

III. Театр

1. Русский смех = Krievu smiekli = Russian laughter: спектакль по произведениям Ф. Достоевского: [программа] / Совместный проект трех русских театров Европы (Риги, Таллина и Вильнюса); автор проекта Э. Цеховал (Латвия). Рига, 2006. 18 с. [В основу спектакля положены рассказы Ф. М. Достоевского «Крокодил», «Бобок», «Чужая жена и муж под кроватью». Режиссер — Роман Козак (Москва).]

IV. Сочинения Достоевского в переводах на латышский язык

Первоначальное знакомство латышского читателя с текстами Достоевского носило фрагментарный характер, что обуславливалось как привычкой к «календарному» бытованию литературы, так и практикой издания «удобочитаемых и дешевых» книжек².

Тому же способствовало и сочувственно-избирательное отношение коренного грамотного населения Прибалтийского края к жанровому репертуару литераторов-немцев. Не случайно одним из ранних и обильно тиражируемых сочинений Достоевского стал именно «Мальчик у Христа на елке» (*Puisēns pie Kristus uz eglītes vakaru. Pēc Dostojevskā. Tulk. Teodors // Austrums. 1886. N 12. Lpp. 759–762*)³, в сюжете которого легко было узнать привычные «трогательные» клише святочного рассказа о детях-сиротах⁴.

Но самый первый (анонимный) перевод «из Достоевского» — «Сон смешного человека» — был сделан двумя годами раньше (*Smieklīga cilvēka sapnis // Tēvija. 1884. N 9–12*).

В последнее десятилетие XIX в. помимо литературных «пересказов-изложений», к разряду которых оказались причисленными такие «сентиментальные» тексты Достоевского, как «Белые ночи» (*Gaišas naktis. Pēc Dostojevskā. Atst. Pētersonu Augusts // Baltijas Vēstnesis. 1892. N 135–138*) и «Слабое сердце» (*Nestipra sirds. Pēc F. M. Dostojevskā. Atst. Andrejs // Austrums. 1896. N 6–9. Lpp. 442–694*), в переводах печатаются также: «Честный вор» (1890), «Мертвый дом» («по Достоевскому»; 1894, 1895, 1898); «Преступление и наказание» (1896), «Братья Карамазовы» (1898, 1899).

Некто «Ndr.» собирает «из сочинений Ф. М. Достоевского» и публикует в приложении к «Балтийскому Вестнику» «Зерна мыслей» писателя (*Baltijas Vēstneša. 1896. N 274*). А переводчик *Niedroņu Vija* помещает «картину» «русского писателя Ф. М. Достоевского» «Столетняя» на страницах «Голоса» (*Balss. 1897. N 47. Lpp. 558–565*).

Рядовой читатель также вполне утешен «назидательным» и вместе житейским «рассказиком» «русского писателя» «Елка и свадьба»

² Ср., например, рекомендации Н. А. Рубакина, сопровождающие его очерк «Крестьяне-самоучки» (М., 1898). Перу Достоевского здесь принадлежат лишь девять текстов: «Верующие бабы», «Мужик Марей», «Столетняя», «Летняя пора», «Представление», «В барском пансионе», «Честный вор», «Мальчик у Христа на елке» и «Бедные люди» (с. 66).

³ Позднее разные варианты переводов этой «рождественской» истории «для детского чтения» публиковались на страницах латышской периодики в 1891, 1898, 1902, 1909, 1910, 1912 и 1914 гг.

⁴ Тягостное сиротство («бездолье латышского народа») стало также и темой ритуальных обращений к известным своим «человеколюбием» лицам. (В 1908 г., например, на восьмидесятилетие Л. Н. Толстого «Латышское Фотографическое Общество в Риге» «поднесло» именитому юбиляру альбом с портретами латышских писателей.)

(Eglīte un kāzas. Krievu rakstnieka F. M. Dostojevskā stāstiņš. Latviski no I. Pavila // Tēvijas feļetons. 1897. N 31. Lpp. 488–494)⁵.

Отдельного внимания заслуживает перевод «Записок из Мертвого дома» (Mīroņu nams. Romāns 2. d. No F. M. Dostojevskā // Dienas Lapa. 1894. N 240–291)⁶. Буквальное значение латышского заглавия этого «тюремно-каторжного» нарратива — «Дом мертвецов» (с возможными коннотациями *загробный/сиротский/детский*⁷).

Можно предположить, что повышенный интерес к «ссылному свидетелю» страданий и горестных судеб «несчастных», собранных на погибель в сибирском остроге со всех концов империи, не в последнюю очередь поддерживался еще и темой смерти, стойко и отчетливо доминирующей в латышской фольклорной традиции⁸, адаптировавшей также и христианский сюжет «сошествия во ад».

Привычный к переводам-локализациям иноязычных сочинений латышский читатель предполагал и хотел «встретить» среди сочувственно и колоритно выведенных русским романистом персонажей также и своих соотечественников.

В публикации начала XX в. творчество Достоевского представлено «рассказом» «Мужик Марей» (Zemnieks Marejs. Dostojevskā stāsts. Tulk. I. Dk. // Jaunības Draugs. N 1. Lpp. 11–12); «сценой для театральной постановки» «Рассказ Мармеладова» (Marmeladova stāsts. Skats iz F. M. Dostojevskā romāna «Noziegums un sods». Tulkojuse un izrādei ierīkojuse Ziemciešu Marija // Rīgas Avīzes feļetona piel. 1904. N 183); фрагментом «Великий инквизитор Достоевского» (Lielinkvizitors Dostojevskā. Tulk. L. E. R. // Kāvi (izdevēja D. Zeltiņš). 1906. N 1. Lpp. 18–30), а также романом «Бесы» (Velni. F. M. Dostojevskā romāns. Tulk. I // Balss piel. 1906. N 209–283).

Начало 20-х гг. ознаменовано переводом романа «Идиот», в течение двух лет публиковавшимся на страницах «Рабочей газеты» (Idiots. F. M. Dostojevskā romāns // Strādnieku Avīze. 1924. N 96–296; 1925. N 1–104). В это же время для журнала «Жизнь молодежи» (1924, N 6) делается перевод фрагмента «Алей» («Jaunatnes Dzīve»).

Знаменательным литературным событием 1926 г. стал также перевод на *латгальский* язык сюжетно и характерологически привлекатель-

⁵ Другие переводы «Елки и свадьбы» сделаны в том же 1897 г., а позднее повторно воспроизведены в календаре на 1905 г.

⁶ В 1895 и 1898 гг. переиздается книгопечатней П. Бисниекса. Позднее (1927 г.) — в новом переводе (Augusts Mežsēts) как «роман» «Записки в Мертвом доме». Но в 16-томном собрании соч. 1936–1938 гг. — под первоначальным заглавием.

⁷ Ср.: Zink A. «Die Arrestanten waren die reinsten Kinder» — Zur Rechtfertigung des Verbrechens in Dostojewskijs *Aufzeichnungen aus einem Totenhaus* // Dostoevsky Studies. 2005. Vol. IX. P. 115–134.

⁸ Со временем на латышском языке издаются также и специальные (рекомендательные) подборки соответствующих теме материалов. Например: «Смерть и ребенок в песнях и верованиях нашего народа» Анны Берзкалне (1927 г.).

ной для провинциального читателя части второй романа «Униженные и оскорбленные» (Nucynotī un arvainotī (Romāna utro nūdaļa) // Latgolas Dorbs. 1926. N 1)⁹.

В 1927 г. рижское издательство «Наша библиотека» намеренно соединяет под одной обложкой «роман» Достоевского «Бедные люди» и «новеллу» Пушкина «Станционный смотритель» как образцовые сочинения на тему людской нужды и необеспеченности.

Вскоре (1928 г.) в переводе Яниса Мединя публикуется трехтомное издание «Братьев Карамазовых» (издатель — A. Gulbis). И годом позже — в четырех частях (двумя книжками) в переводе А. Межсета выходит роман «Князь Мышкин (Идиот)» (Kņazs Miškins (Idiots). Romāns. 4. d. / Tulk. A. Mežsēts. Rīga, 1929)¹⁰.

В 1932 г. отрывки «из Достоевского» «Бунт» и «Шутка Чёрта» размещают на своих страницах периодические издания «Jēkabpils Ziņas» и «Sociāldemokrāts». Одновременно выходит отдельным изданием «новелла» «Неточка Незванова» (Netočka Ņezvanova. Novele / Tulk. A. Melnalksnis. Rīga, 1932).

Два года длилась, но так и осталась незавершенной публикация латышской версии «Скверного анекдота» (Nelāga anekdote // Jaunais Kurzemnieks. 1933. N 47, 49, 50, 52; 1934. N 3, 4, 7, 14).

Замечательным событием в истории латвийской переводческой практики стало издание собрания сочинений Достоевского в 16-ти томах, выпущенного рижским издательством «Grāmatu Draugs» с 1936 по 1938 г.

Первый том открывался «Биографией» автора и включал в себя перевод романа «Униженные и оскорбленные» (E. Birznieks-Upītis). Тома второй и третий занимал текст романа «Бесы» (K. Ezerkalns). В четвертый вошли «роман» «Мертвый дом» (A. Mežsēts) и «рассказ» «Записки из подполья» (I. Saiva). В томе пятом печатались четыре части романа «Преступление и наказание», а его заключительные части и эпилог (J. Veselis) были перенесены в том шестой и соседствовали с текстом провинциальной повести «Дядюшкин сон. Из мордасовских летописей» (E. Birznieks-Upītis).

В седьмом томе были собраны произведения «Село Степанчиково и его обитатели», «Скверный анекдот» и «Хозяйка» (E. Kāvs). Роман «Подросток» в неординарном переводе Александра Чака (Aleksands Čaks) вошел в том девятый. «Игрок», «Вечный муж», «Крокодил» (K. Rabacs) составили десятый том. Новая версия перевода романа «Идиот» (Zenta Mauriņa¹¹) заняла следующие два тома собрания. «Белые

⁹ В этом же году издательство «Grāmatu Draugs» (двумя книгами) выпускает латышский перевод «Преступления и наказания».

¹⁰ Текст романа не раз подвергался фрагментации. В 1931 г., например, был сокращен отрывок из пятой главы первой части романа, в котором князь Мышкин рассказывает о разбудившем его крике осла (Ezelis. No romāna «Idiots» // Dzīve. 1931. N 8).

¹¹ Зента Мауриня (1897–1978) — известный философ и эссеист, чья книга «Dostojevskis: viņa personība, mūžs un pasaules uzskats» в 1933 (дважды), в 1935, а также

ночи» (J. Plaudis), «Неточка Незванова» (A. Melnalksnis), «Чужая жена и муж под кроватью», «Елка и свадьба», «Честный вор» (E. Birznieks-Urītis) и «Маленький герой» (A. Mežsēts) вышли в тринадцатом томе. В завершающих издание томах читателя ожидали ранние «труды» Достоевского — «Бедные люди» (J. Plaudis), «Двойник» (Ev. Kāva), «Слабое сердце» (J. Plaudis), «Господин Прохарчин» (E. Birznieks-Urītis) (Т. 14) — и, наконец, «Братья Карамазовы» (J. Medenis) (Т. 15–16).

В советской Латвии 40-х годов время от времени публиковались разъяснительные статьи и материалы о «жизни и творчестве известного, но противоречивого классика русской литературы».

Газета «Сīņa» («Борьба») познакомила своих читателей с «писателем Федором Михайловичем Достоевским» (*Jaunzems V. // Сīņa. 1941. 9 febr.*).

В «Literatūras Avīze» (Литературная газета. 1941. 23 febr.) A. Talcis помещает материал «F. M. Dostojevskis».

Позднее в переводе Я. Плаудиса появляется статья М. Поляковой «Достоевский как художник» (*Karogs. 1946. N 2. Lpp. 206–217*).

В том же году (10 ноября) в газете «Советская молодежь» печатается статья А. Клиедере «F. M. Dostojevskis». Тогда же публикуется и «материал» В. Кирпотина, приуроченный к 125-летию со дня рождения Достоевского (Сīņa. 1946. 14 nov.).

Наконец, финальным аккордом культурно-пропагандистской работы явился перевод публичной лекции, читанной В. В. Ермиловым в Центральной лектории Москвы (*Jermilovs V. V. Pret reakcionārajām idejām F. M. Dostojevskā darbos (Vissavienības politisko zināšanu un zinātņu popularizēšanas biedrības publiskas lekcijas stenogramma). Rīga, 1949*).

В том же году печатается (в составе «избранных литературно-критических работ») и перевод последней статьи Н. А. Добролюбова «Забитые люди» (*Dobroļubovs N. Apspiestie ļaudis. Tulk. K. Štrāls // Dobroļubovs N. Literāri kritiski raksti. Izlase. Rīga, 1949. Lpp. 229–351*).

Публикации 1950-х гг. изобилуют переводами не только статей В. Г. Белинского, но также и Максима Горького, критические очерки которого («О “карамазовщине”», «Еще о “карамазовщине”») в переводе М. Silabriede становятся широко доступны начиная с 1954 г.

Новой ритуализации имени и «образа» Достоевского послужили статьи, приуроченные к 75-й годовщине со дня смерти писателя.

четырьмя годами позднее в русском переводе (Ф. М. Достоевский. Его личность, жизнь и мировоззрение. Рига, 1939) издавалась в довоенной Латвии. В жанрово-типологическом отношении сочинение Зенты Маурини соотносимо с трудом Н. А. Бердяева «Мировоззрение Достоевского» (Прага, 1923), но по тону и стилю — это текст, откликающийся на современную литературно-антропологическими идеями практику неоромантизма (см.: *Daija P. Zenta Mauriņa un krievu literatūra: Fjodors Dostojevskis // Zenta Mauriņa Eiropas tautu kultūras dialogā. Letonikas 2 kongresa sekcija «Zentai Mauriņaj 110». Rīga, 2007*). Работа исследовательницы над темой была завершена к началу 1950-х гг. См. книгу: *Dostojevskij: Menschengestalter und Gottsucher. Memmingen, 1952. Lpp. 414* (переиздана в 1981 г.; в переводе на латышский — в 1997 г.).

На эту дату в 1956 г. откликнулись пишущие для латышского читателя журналисты и публицисты из «Балтийского железнодорожника», «Советской молодежи», «Коммуниста», районной газеты «Бауский труд», журнала «Лиесма», «старейшей» политической газеты «Циня», журнала искусств «Максла», литературного журнала «Карогс».

Присоединился к процессу селективной «реабилитации» заново канонизируемого русского классика и журнал Академии наук Латвийской ССР.

Изгнанный из Латвийского университета в пору brutальных политических чисток 1949 г. филолог А. Вилсонс публикует в академическом «Вестнике» большую статью «Ф.М. Достоевский и латышская литература (В память 75-летия со дня его смерти)» (*Vilsons A. F. M. Dostojevskis un latviešu literatūra (Viņa nāves dienas 75 gadu atcerei)* // *Latv. PSR ZA Vēstis*. 1956. N 3. Lpp. 31–40). С «устаревшими воззрениями» прежних критиков и хулителей Достоевского теперь борются, опираясь на труды Д. Заславского, А. Долинина и В. Кирпотина (*Karogs*. 1956. N 4. Lpp. 82–85). Признаком «оттепели» становится и «первая в советское время» инсценировка «Преступления и наказания» на подмостках Государственного академического театра драмы в Риге (см. об этом: *Ста*. 1957. 22 aug.).

Вниманием латышского зрителя не были обойдены также и экранные версии романов Достоевского. Особенный успех имела кинокартина, снятая И. Пырьевым по первой части романа «Идиот» («Настасья Филипповна») (*Eriksons L. // Padomju Jaunatne*. 1958. 12 jūl.).

В относительно «благополучные» 1960-е и 1970-е гг. отчасти реанимируется старая традиция календарного чтения «из литературы». Журнал «Школа советской Латвии» находит уместным публиковать материалы к 140-летию со дня рождения Достоевского исключительно под рубрикой «Наш календарь». На исходе 1970 г. издательство «Лиесма» издает «Народный календарь» на 1971 г., в котором наличествует краткая статья R. Remass (по всей видимости, это псевдоним) «Знакомство с Достоевским».

Аналогичные рубрики-фрагментации встречаются и в газете «Литература и искусство» (*Арденс Н.* Удивительная ночь Федора Михайловича (Фрагмент из романа о Ф. Достоевском «Ссылный №33») // *Latvian un Māksla*. 1971. 13 nov.).

Главным успехом латвийской достоевистики 1970-х гг. стало новое собрание сочинений писателя в 10-ти томах (1973–1977), осуществленное рижским издательством «Liesma» («Пламя»). Предисловие было написано Элгой Станке (E. Stanke) — сотрудницей историко-филологического факультета Латвийского государственного университета, где она в 60-е гг. вела спецсеминар по творчеству Достоевского.

Содержание первого тома (в принятой издателями хронологической последовательности) включало сочинения 1846–1848 гг.: «Бедные люди», «Двойник», «Роман в девяти письмах», «Господин Прохарчин»,

«Хозяйка», «Ползунков», «Слабое сердце», «Честный вор», «Елка и свадьба», «Чужая жена и муж под кроватью».

Том второй составляли «рассказы» и «повести» (1848–1859): «Белые ночи», «Неточка Незванова», «Маленький герой», «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели».

В третьем томе печатались роман «Униженные и оскорбленные» и «Записки из Мертвого дома».

Следующей (четвертой) книжкой вышли «рассказы» 1862–1869 гг.: «Скверный анекдот», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Записки из подполья», «Крокодил», «Игрок» и «Вечный муж».

В томе пятом (1875 г.) публиковался роман «Преступление и наказание» (с примечаниями К. Полонского).

Далее последовали переводы романов «Идиот» (с научным комментарием Г. Фридлиндера) (Т. 6, 1975) и «Бесы» (с пояснениями и примечаниями Ф. Евнина) (Т. 7, 1977).

Текст романа «Подросток» (Т. 8, 1977) также был снабжен краткими примечаниями филологов (А. Долинина и Е. Дрыжаковой).

Завершал издание перевод романа «Братья Карамазовы» (Т. 9, 1977).

К этому же периоду относятся и историко-типологические исследования эстетических воззрений (буквально — «позиций») латышских писателей и мыслителей («в период до 1940 года»). Составитель этого труда (Петерис Зейле) упоминает имя Достоевского в связи с характеристикой латышских авторов (K. Valdemārs, J. Jansons-Brauns, F. Bārda, V. Knoriņš, K. Raudive, Z. Mauriņa, P. Dāle) (*Zeile P. Estētiskā doma Latvijā (līdz 1940. gadam)*. Rīga, 1976).

В школьных программах советского времени имя Достоевского — автора «Преступления и наказания» — неизменно присутствовало уже в 1960-е гг. Но «трудный» для «детского восприятия» роман учитель всегда мог заменить другим произведением из русской классики («Войной и миром» Л. Н. Толстого). Изучение, как правило, сводилось к «усвоению» учащимися важнейших с «воспитательной точки зрения» глав, отрывков и эпизодов.

Подобной же избирательной фрагментарностью характеризуется и репертуар пропагандистской «работы с населением». Почти ни одна из посвященных Достоевскому «официальных» газетных статей не упускала возможности в «подчищенном» виде процитировать «мысль Достоевского» о «классовом» сходстве «батрака-латыша» с «негром-рабом». И, соответственно, — «остзейских немцев» с «плантаторами»¹².

¹² Такого рода клише «самоидентичности», бытовавшие в разных знаковых воплощениях, сопровождали развитие национального самосознания во все периоды истории Латвии. В пору падения советского режима, например, весьма популярными оказались групповые устные тексты («разговоры») на тему сходства судеб латышей с «уничтоженными / загнанными в резервации» индейцами Америки.

Однако официальный «интернационализм» не мог устранить различий в способах «оправдания» значимости «жестокого», «больного», «трудного» русского писателя.

Для многих в Латвии Достоевский оказался интересен как автор «Дневника писателя», разоблачивший злокозненность «жидов»¹³. Его время от времени «недолюбливают» за «негативное» изображение «католиков» и «поляков». «Уважают» его каторжный опыт, понимаемый, как правило, в сугубо символическом значении. Произведения Достоевского традиционно выигрывают в глазах публики, предпочитающей чтению театральные постановки. Не переводятся и любители «разоблачений» интимной жизни «женолюбивого эпилептика», изобразившего «самого себя» во всех «фрейдистских» эпизодах «Пятикнижия».

¹³ Форма «ebrejs» нехарактерна для «традиционного» речевого обихода.